

RU

Полевая структура лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки» (на материале одного из однодворческих говоров Воронежской области)

Тельпов Р. Е.

Аннотация. Цель исследования - осуществить полевое описание лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки» на примере речи представителей двух поколений, выросших в диалектном окружении на северо-востоке Воронежской области. В статье рассматриваются слова, входящие в группу «Жилые и хозяйственные постройки», на материале одного из говоров Воронежской области, обладающего южнорусской основой. Научная новизна исследования заключается в том, что нами впервые предложена методика трехкомпонентного полевого описания отдельных лексических групп, представленных в том или ином говоре, с выделением особенностей, присущих каждому компоненту данной структуры. Полученные результаты показали, что отдельным лексическим группам говоров присуща многокомпонентная структура, проявляющая себя при их полевом описании.

EN

Field Structure of the Lexical Group “Residential Facilities and Outbuildings” (by the Material of One of the Odnodvortsy’s Dialects of Voronezh Region)

Telpov R. E.

Abstract. The aim of the study is to carry out a field description of the lexical group “Residential facilities and outbuildings” by the example of the speech of representatives of two generations who grew up in dialect environment in the north-east of Voronezh region. The article discusses the words included in the group “Residential facilities and outbuildings” based on the material of one of the dialects of Voronezh region, which has a South Russian basis. The scientific novelty of the study lies in the fact that it for the first time proposes a method for a three-component field description of individual lexical groups, presented in one or another dialect, distinguishing the features inherent in each component of the field structure. The obtained results have shown that individual lexical groups of dialects are characterized by a multicomponent structure, which manifests itself in their field description.

Введение

Для России – страны с огромной территорией и сложной структурой административно-этнического деления – огромную роль играет поиск специфических черт разных типов идентичности, не только этнической и религиозной, но и субэтнической, отражающей особенности отдельных групп русского населения, обладавших ярко выраженными чертами, проявлявшими себя в особом способе организации быта, форм хозяйствования, религиозных практик и т.д. С этой точки зрения особый интерес представляют субэтноты Воронежской области, в частности однодворческий субэтнос как субэтнос, воплощающий в себе множество архаичных черт: «В среде этой части населения особенно устойчивыми являются многие пережиточные этнографические черты, восходящие к глубокой древности» (Гринкова, 1947, с. 34). Современное пограничное положение Воронежской области, ее смешанный русско-украинский состав придает особую актуальность исследованиям, выявляющим специфические черты именно русского населения Подонья. Как воронежские

говоры, так и говоры однодворческого населения Воронежской области привлекали внимание исследователей с давних времен (см. подробный обзор литературы по воронежским диалектам (Сьянова, 2019; Черенкова, 2009)). Вместе с тем, несмотря на продолжающуюся почти два века историю по изучению русских говоров, существует территория, которая не привлекала к себе такого пристального внимания диалектологов в плане субэтнических характеристик говоров расположенных здесь сел – это территория северо-востока Воронежской области, в которую, в частности, входят Борисоглебский, Терновский и Грибановский районы. Отчасти эта территория охватывается понятием «Воронежское Прихоперье» – местности на юго-востоке европейской части Российской Федерации, расположенной в бассейне реки Хопер (левый приток Дона) (Дзякович, 2010, с. 79). Особенность данной территории обусловлена ее поздним вхождением в состав Воронежской области, пребыванием ее в составе других областей – прежде всего Тамбовской, чем объясняется тот факт, что данные территории оказываются неохваченными многими масштабными исследованиями, посвященными воронежским говорам (особенно в аспекте их субэтнического своеобразия). Несмотря на это, сформировался круг исследований, рассматривающих названную нами территорию, за каждым из которых закрепляется особый аспект своеобразия данных говоров. За Е. И. Сьяновой (2007а; 2007б; 2009; 2018; 2020) – ономастические исследования, связанные с данными местами, а также исследование русско-украинских говоров, за О. В. Смирновой (2002; 2004) – рассмотрение названий растительного мира, за В. Ф. Филатовой (2010; 2012; 2015; 2017а; 2017б; 2021) – изучение народных обрядов и комплексное описание говора отдельных сел, за Г. В. Киселевой (1996; 1997) – изучение промысловой лексики. Многие исследования подобного рода, составившие теоретическую базу нашей работы, формируются вокруг Лаборатории фольклористики, этнографии и региональной лингвистики, бессменным руководителем которой является кандидат филологических наук, доцент Валентина Федоровна Филатова. Мы обращаемся в нашей статье к исследованию лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки» села Дубровка Терновского района Воронежской области в аспекте наблюдаемого в ней субэтнического своеобразия. Опираясь на градацию территориальных признаков, представленных в лексике данной группы, мы попытаемся структурировать ее в виде поля с ядром, формируемым словами с ярко выраженной территориальной прикреплённостью, и периферией, в которой территориальная связанность убывает сообразно с отдалением от центра и в конечном итоге сливается с литературным языком. В центре внимания оказывается не просто диалектная лексика, относящаяся к определенной тематической группе, но лексика определенной тематической группы, употреблявшаяся в речи представителей сельского населения, выросшего в диалектном окружении. Такой подход обусловлен принципиально новой формой, в которую переходят говоры русского языка, называемой региолектом, полудиалектом и т.д. (см. подробнее (Черенкова, 2009, с. 27-28)), а также высокой степенью накопления диалектного материала, которая позволяет проводить исчерпывающие и точные сопоставления нового материала с уже имеющимся для определения его диалектной природы. Дополнительным фактором, обуславливающим новизну данной работы, является недостаточная целенаправленная изученность лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки», представленной в говорах рассматриваемой нами территории (северо-востока Воронежской области).

К задачам нашего исследования относятся:

- описание лексических единиц группы «Жилые и хозяйственные постройки», составляющих наиболее архаический пласт и обладающих субэтническими характеристиками;
- описание лексических единиц группы «Жилые и хозяйственные постройки», входящих в ядро рассматриваемой нами полевой структуры и обладающих ярко выраженной территориальной прикреплённостью;
- описание лексических единиц группы «Жилые и хозяйственные постройки», расположенных на периферии нашей полевой структуры, не обладающих ярко выраженной территориальной прикреплённостью и совпадающих со строительной терминологией, используемой повсеместно;
- выявление изменений, проявляющихся на разных уровнях языка в связи с изменением диалекта (зачастую в речи представителей более молодого поколения).

Поставленные задачи мы предполагаем решить с использованием методов лексикографического, структурно-семантического и историко-сопоставительного анализа.

Практическая значимость нашей работы заключается в возможности применения ее результатов в практике преподавания курсов по русской диалектологии, краеведению, регионоведению. Также материалы нашего исследования могут быть использованы при разработке регионального бренда Воронежской области, развитии туристического потенциала данного региона.

Основная часть

Полевое описание лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки» на материале говора села Дубровка Терновского района Воронежской области

Лексику данной группы мы будем рассматривать на материале речи двух бывших жителей села Дубровка Михаила Павловича Мерзликина (1926-2006, 7 классов образования, участник Великой Отечественной войны) и Ольги Яковлевны Мерзликиной (1925-2004, 7 классов образования, труженица тыла), а также их дочери Лидии Михайловны Мерзликиной (1957 г.р., среднетехническое образование). М. П. Мерзликин и О. Я. Мерзликина переехали из села Дубровка в посёлок Мировой Октябрь в конце 70-х гг. XX в., в котором и проживали на момент записи (в 2001 г.), Л. М. Мерзликина родилась в Дубровке, там прошло ее детство и юность.

В начале 80-х гг. прошлого века она переехала в пгт Грибановский Грибановского района Воронежской области, где проживает до настоящего момента.

Село Дубровка возникло в 1922 г. в результате процесса выселения из соседнего села Козловки. По словам информантов, в Козловке стало слишком много жителей и часть их ушла из этой деревни и поселилась на близлежащей территории. Каким путем происходило выселение, по приказу властей или по инициативе местных жителей Козловки, информанты не знают. Наряду с Дубровкой образовались таким же путем еще три крупных села: Луначаровка, Вознесенка и Николаевка. Наряду с крупными образовался и ряд мелких сел: Собачино, Семигоровка, Платоновка и т.д. Точных названий и количества сел, многих из которых уже не существует, информанты не помнят. Название Дубровки, по мнению информантов, возникло в связи с произрастанием на месте ее основания дубового куста. Характер населения сел Дубровки и Козловки определен в словаре В. А. Прохорова (1973) «Вся Воронежская земля» как однодворческий, состоящий из крестьян-однодворцев, живших поблизости от города Козлова (в настоящее время Мичуринск Тамбовской области) и переселившихся на реку Елань. Новому поселению «было дано название по прежнему месту жительства – Козловка» (с. 125).

Если рассматривать фонетические и грамматические особенности, то они исчерпывающе были раскрыты в работе В. Ф. Филатовой (2017а), посвященной говору пос. Мировой Октябрь Воронежской области. С точки зрения фонетики это [e] на месте древнего звука, обозначаемого буквой Ъ ([кл'етка], [дельги]); фрикативный [ɣ] ([каза], [ɣърбыли], [пъръаротк'и]), недиссимилятивное сильное аканье ([адна], [краја], [накладывал'и]), последовательно сохраняемое сильное яканье ([жа̀н'ат], [т'ал'ат], [ја̀сли], [л'ажалъ]), яканье в отдельных случаях чередуется с иканьем, возникшим, видимо, под влиянием литературного языка ([с-пр'имы-м'и у̀лам'и]), с произношением [ъ] в первом предударном и заударном слогах ([р̀ызд'ал'ал'и], [д'ельл'и]). На наш взгляд, в речи М. П. Мерзликина более последовательно проявляется яканье. Также следует отметить прогрессивную ассимиляцию после мягких согласных, наиболее последовательно встречающуюся в речи О. Я. Мерзликиной ([прѝзрамоздочк'а] 'ступенька, служащая для подъема на русскую печь'). Примечательно, что в речи представительницы более молодого поколения Л. М. Мерзликиной, проживавшей в Грибановке и работавшей на сахарном заводе, сохранилось только ɣ-фрикативное ([зимой катал'ис' на ɣранушкьх] – *гранушки* 'облитые водой кизяки, использовавшиеся для катания с горок'). Среди морфологических черт наиболее яркой чертой является наличие конечного мягкого *-m'* у глаголов настоящего времени ([абмазыва̀ют']), что может сочетаться с несоответствием нормам литературного языка ([ход'ут']). Характерной чертой говора обоих старших информантов было слово *що* и его производные, что является характерной чертой однодворческих говоров, за которую они получили свое прозвище «щекуни» (Гринкова, 19--).

Из культурологических особенностей следует отметить расположение икон в левом углу от двери, которое бывало в доме М. П. и О. Я. Мерзликиных и сочеталось с диагональным расположением по отношению к печке, что являлось типичной чертой как однодворческого, так и южнорусского населения (Гринкова, 1947, с. 33). Примечательно, что отмеченное нами при сборе материала в Мировом Октябре расположение идеально соответствует данной особенности, а расположение в Дубровке не соответствует: печка находилась на одной стороне с иконным углом, а не по диагонали. Об этом вспоминает Л. М. Мерзликина: *Иконный угол был с левой стороны у входа в горницы, напротив него стояла русская печь* (здесь и далее для удобства прочтения речь диалектоносителей будет представлена без отражения фонетических и морфологических особенностей). Среди других деталей следует отметить полукурную манеру топки избы, бытовавшую среди бедных представителей населения и являвшуюся еще одной характерной особенностью однодворческого быта. М. П. Мерзликин характеризует ее как топку «по-черному»: *А ведь у некоторых и по-черному дома топились. Как по-черному? Ну, у нас дым через дымоход выходил, ну, труба и называлась, через потолок, через крышу и на улицу, а когда по-черному, там труба тоже от печи шла, но у потолка загибалась дальше, туда к выходу шла. Какая загибалась, деревянная была труба вот эта, мы её короб называли, и вот к двери она и выходила, а над дверью там дыра такая была, вот туда дым и улетал.* Такой характерной чертой однодворческого быта, как дом-крепость (Гринкова, 1947), Л. М. Мерзликина не помнила. По воспоминаниям Л. М. Мерзликиной, окна выходили на улицу, но между ними и улицей располагался палисадник: *Окна выходили на улицу, окон было много, одно располагалось в торце дома. Между улицей и окном был огороженный палисадник. Глухих заборов в Дубровке не было.* Это наблюдение хорошо соотносится с замечанием Н. П. Гринковой (1947), указывавшей на утрату подобной манеры огораживания однодворческой крестьянской усадьбы: «Изда и двор огорожены, как мы видели из вышеприведенных материалов. Опять весьма характерная черта для усадьбы Воронежского края, где на окраине государства в условиях полувоенной жизни городьба вокруг жилья являлась насущной и необходимой... Лишь в последние годы с переходом на колхозное коллективное производство потребность в большом огороженном дворе для хранения телег, сох, борон, для размещения лошадей, коров и т.д. естественно отпала. В связи с этим новых дворов, естественно, не строят, а постепенно приходящие в ветхость старые – не поддерживают» (с. 166). Таким образом, мы можем констатировать устойчивую тенденцию к утрате многих элементов традиционной однодворческой культуры, наблюдавшейся в быту в 50-60-е гг. прошлого века, на которые пришлось детство Л. М. Мерзликиной.

К одним из ярких слов, отражающих, на наш взгляд, реалии, относящиеся к прошлому, относится слово *подворье*, служившее названием для совокупности жилых и хозяйственных построек: *Дом вместе со всем двором и со всем хозяйством назывался подворьем* (М. П. Мерзликин). В Словаре русских народных говоров представлены значения 'двор' и 'дом со всеми постройками', которые характерны как для северных так и для южных говоров (здесь и далее ссылки на Словарь русских народных говоров приводятся по (СРНГ, 1965-2016)). В этом значении данное слово совпадает со значением, отмеченным в «Материалах к словарю древнерусского

языка» И. И. Срезневского (1893): 'дом с двором и дворовыми постройками, усадьба, жилище' (здесь и далее ссылки на Материалы к словарю древнерусского языка приводятся по (Срезневский, 1893)). Слово «подворье» входит в систему комплекса синонимических наименований типа *двор-поместье-усадьба-подворье* – ряд этот «появился в результате изменения семантики каждого из слов, обусловленного экстрем- и интралингвистическими причинами, связанными с историей заселения края, с происхождением переселенцев, взаимодействием двух близкородственных языков» (Шубина, 2004b, с. 74). Факт наличия земли, передаваемой по наследству (земельный надел, выданный приборным служилым людям для «прокорму» (Цит. по: Шубина, 2004a, с. 11)), являлся чертой однодворческого сословия, отличающей его от крестьянства, это могло найти отражение в их особом названии, не вполне связанном с сельской жизнью. К безусловным «диахроническим синонимам» Н. Г. Шубина (2004b) относил только слово *поместье*, характеризуя его как «факт памяти о далеком прошлом в жизни южнорусского крестьянина, в то время как остальные три слова более известны, шире употребительны» (с. 74). Среди просмотренных нами толковых словарей (здесь и далее все толковые словари современного русского языка цитируются по источнику (<https://gufo.me>)) только в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой ('чей-либо дом с относящимися к нему постройками') и Толковом словаре С. И. Ожегова ('двор и огород, хозяйство при сельском доме') отражены значения, соотносимые с теми, что представлены в диалектах; в других словарях представлены такие значения, как 'постоянный двор' (Малый академический словарь, Толковый словарь С. И. Ожегова, Толковый словарь С. А. Кузнецова, Толковый словарь В. И. Даля); 'дом в городе с хозяйственными постройками, принадлежащими лицу, постоянно проживающему в другом месте, и служащий для временных остановок, хранения товаров' (Толковый словарь Д. Н. Ушакова); 'городская церковь с общежитием для монахов, принадлежавшая монастырю, находившемуся в другой местности' (Толковый словарь С. А. Кузнецова); 'гостиница, преимущ. для духовных лиц (с церковью, часовней, принадлежащей архиерею или монастырю)' (Толковый словарь С. И. Ожегова). Н. Г. Шубина (2004b) отмечала значение временности в качестве основополагающей черты значений, объединенных словом *подворье*. Мы бы отметили, что слово *подворье* чаще всего обозначает постройку, не связанную с сельским хозяйством, – данная черта воспринимается нами как архаизм, содержащий память о прежнем жизненном укладе однодворческого населения. Отметим также отсутствие единой территориальной прикреплённости, свойственной данному слову. На наш взгляд, слова такого типа составляют отдельный очень архаичный пласт, включающий в себя слова, обозначающие наиболее емкие и масштабные понятия, не обладающие ярко выраженной территориальной принадлежностью и встречающиеся в древних источниках. По нашему мнению, они воплощают отголоски древних сословных характеристик, перешедшие затем в характеристики субэтнические.

К другим общим понятиям, приближенным к диалектизмам рассматриваемого нами типа, можно отнести слово *изба*. *Изба* относится к глубокой древности, примечательно, что Н. П. Гринковой (1947) оно признавалось первоначальным именованием однодворческого жилища, постепенно вытесненным словом «хата»: «В этом перечне следует отметить прежде всего тот факт, что само жилое помещение во всех перечисленных нами случаях именуется “избой”, а отнюдь не “хатой”. В современном бытовании господствующим термином является слово “хата”; термин “изба” встречается спорадически и по преимуществу в северных районах области. Эта ситуация может наводить нас на мысль о том, что в более раннее время на территории Воронежской области господствовал термин “изба”, постепенно вытесненный продвигавшимся с юга термином “хата”» (с. 166). На распространённость слова «изба» в старинных письменных источниках указывают также В. И. Дьякова и В. И. Хитрова (2009): «Самым распространённым наименованием жилища было слово “изба” (избёнка, избушка), которое означало, как правило, деревянный дом из одной комнаты с печью» (с. 22). Примечательно, что в речи наших информантов слово *изба* уже не использовалось – они использовали общее слово *дом* как по отношению к жилищам, построенным из бревен, так и по отношению к жилищам, построенным из саманов: *Мы же бедно тогда жили, и дома у нас были из саманов; В ту пору большая редкость была дома из бревен. Изба* употребляется только в составе устойчивого сочетания *изба-пятистенок* один раз, в самом начале рассказа о хозяйственных постройках: *Мы жили в ту пору в избе-пятистенке*. В дальнейшем используется только либо слово *дом* как наиболее общее название хозяйственных построек, либо слово *пятистенок*: *Что такое пятистенок? Ну, были круглые дома, то есть из четырёх стен, а были пятистенки, посередине перегородкой разделённые* (М. П. Мерзлякин); *Пятистенок – жилая изба. Раз – наружная стена, сенцы, кухня, зал, все проходные расположены так, что из одной комнаты в другую можно было пройти* (Л. М. Мерзлякина). Слово *пятистенок*, представленное в речи диалектоносителей, по значению соотносится со значением в Словаре русских народных говоров 'пятистенная постройка (обычно о жилом доме)', которая представлена как в южных ('здание о четырёх стенах, до трех сажень в сторону; с перегородкой в середине (о 5 стенах) – дом'), так и в северных ('жилой дом из одной комнаты с русской печью') говорах. В рассматриваемом нами значении слово тяготеет к южному варианту. В говоре наших информантов слово имеет более широкое значение, чем то, которое отражено в словаре С. И. Ожегова: 'деревенская изба, разгороженная внутри рубленой бревенчатой стеной' – поскольку относится не только к деревянным избам. На наш взгляд, повсеместная распространённость слова *пятистенок* не позволяет нам отнести его к словам, составляющим ядро рассматриваемой нами лексической группы. Отсутствие связи с реалиями, находящимися вне крестьянского быта, не позволяет нам отнести это слово к наиболее архаичным лексическим пластам, к которым мы можем отнести, например, слово *подворье*.

Обратимся теперь к названиям, составляющим, на наш взгляд, ядро поля «Жилые и хозяйственные постройки». К основополагающим чертам таких слов следует отнести следующие черты: как правило, такие слова образуются от специфичных диалектных корней, не обладающих продуктивностью в современном

русском языке; такие слова обозначают специфические диалектные понятия и обладают территориальной прикреплённостью, отраженной в словарях. К ядру рассматриваемого нами поля мы относим следующие слова: *котух*, *ворок*, *тырло*, *ляда*, *рыга*. Слово *котух*, которое имеет в говорах значение 'помещение для домашних животных, хлев', хорошо соотносится с исконным значением этого слова, которое Л. М. Мерзликина раскрыла следующим образом: *Котухом называлось общее помещение для домашних животных. Курятник, у нас его называли курник, не относился к котухам*. Примечательно, что слово *котух* в своем первом значении, соотносимым с тем, что приводится в речи информанта, демонстрирует ярко выраженную привязку к южным областям. В качестве еще одного примера можно привести слово *ворок*, которому Л. М. Мерзликина дала такое определение: *ворок – для мелкого скота загончик, огороженное место с сараем, во дворе он располагался, – в данном случае как значение, так и локализация соотносится с тем, что отмечала по поводу слова ворок Т. Е. Баженова (2009): «Номинации “варушка” и “варок” имеют ярко выраженную ареальную характеристику. Они отмечаются только в южнорусских говорах, на юге области, в [Самарскую область] привнесены на нашу территорию переселенцами с юга России» (с. 171). К подобному же типу относится и слово *тырло*: *Тырло – место, может быть огороженным, а может нет. Там овцы и козы паслись в обеденное время. Тырло находилось недалеко от деревни. Пастухи и овцы там могли отдохнуть во время зноя. Домашние могли принести ему туда обед* (Л. М. Мерзликина). Расположенное рядом с поселком Мировой Октябрь *тырло* представляло собою голое место рядом с прудом, на краю которого находился шалаш для пастуха. В значении, представленном в речи информанта, слово также соотносится со значением, которое дано в Словаре русских народных говоров и обладает ярко выраженной территориальной прикреплённостью, – 'огороженный участок на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки'. По сведениям Словаря русских народных говоров, слово *тырло* в таком значении отмечается в говорах Воронежской, Волгоградской, Саратовской, Ростовской, Курской и Орловской областей. *Ляда* – слово, обозначающее реалию, описанную М. П. Мерзликиным следующим образом: *Погреб рыли, сначала яму, её кирпичом обкладывали, ляда у нас она называлась, ну клетка-то эта самая, не знаю как объяснить, ну то, что без ямы из кирпичей делали, вот это ляда и называлось*. Значение слова *ляда*, отраженное в речи информанта, соотносится со значением, присутствующим в Словаре русских народных говоров, – 'рама в погребе, на которую устанавливается дверь («творило»)», бытовавшим в курских и орловских говорах. Все слова, представленные выше, обладают двумя основными особенностями: 1) они образуются от диалектных корней, не обладающих продуктивностью в современном русском языке; 2) они обладают ярко выраженной территориальной прикреплённостью. В некоторых случаях лексическое значение отдельных слов отражает тенденцию к упрощению. В качестве примера можно привести слово *рыга*, которое в рассматриваемом нами говоре толкуется следующим образом: *Сено в рыгах хранили обычно, не возле дома, а там за полем рыга такая стояла, вот в ней и хранили, ну рыга, большая крыша можно сказать... ну шалаш такой огромный – можно сказать, что здесь значение слова *рыга* похоже на значение слова «сенник», являющегося литературным и закрепленным в Толковом словаре С. И. Ожегова, – 'сарай для сена, сеновал'. В большинстве значений, отраженных в Словаре русских народных говоров, *рыга* (*рига*) представляет собою сарай с печью для сушки снопов – в таком значении слово бытует, как правило, в южных говорах: рязанских, орловских, воронежских, волгоградских, куйбышевских, пензенских. С утратой реалии (практики сушки снопов с помощью печи) в результате метонимического переноса слово *рыга* стало обозначать только сарай для сушки сена.**

К ядру, на наш взгляд, примыкает также слово *погребец* (*Наверху над погребом сарай такой делали, погребец у нас назывался, да и везде так назывался, не только у нас* (М. П. Мерзликин)) в значении, соотносимом со значением, отраженным в Словаре русских народных говоров ('наземная постройка над погребной ямой') и представленным в липецких, воронежских, саратовских, брянских, курских, орловских, тульских, уральских и донских говорах. Оно не обладает специфическим диалектным корнем, подобно словам, представленным выше и входящим в ядро, но образовано по продуктивному словообразовательному типу посредством суффикса *-ец*. В диалектном значении данное слово не имеет ничего общего с теми, что представлены в словарях русского литературного языка – например, в Толковом словаре С. И. Ожегова рассматриваемое нами слово имеет значение 'дорожный сундучок для провизии и посуды', а в Толковом словаре Д. Н. Ушакова – 'дорожный сундучок с напитками и съестными припасами'. Учитывая сильные семантические расхождения диалектного слова с литературным, мы можем считать их внешнее совпадение чисто случайным. В качестве другого слова, имеющего омонимы в русском литературном языке, можно назвать слово *подвалки* в значении, похожем на отраженное в Словаре русских народных говоров и свойственное воронежским говорам значение 'каменные или деревянные опоры фундамента', которое соотносится с толкованием М. П. Мерзликина: *Под полом там такие были – подвалочки мы их называли. Швырки такие подкладывали, чтоб там всегда сухо было, чтобы сырость туда не проникала от земли-то*. Присутствующее в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой слово *подвалка*, толкуемое как 'процесс действия по глаголу подвалить' является омонимом по отношению к диалектной форме, сходство между которыми обусловлено продуктивностью словообразующих суффиксов *-ок/-очк*.

К словам, являющимся сопоставительными отличиями плана содержания, можно отнести слова *шпы* и *пелена*, представленными в составе устойчивых выражений *обрезать пелену* и *крыть шпынами*.

Первое слово является производящей базой для глагола *пеленить* и для устойчивого выражения *обрезать пелену*: *Тогда ведь ни шифера, ни железа для кровли не было, это у самых богатых только крыши такие были, а мы соломой крыли, вот соломка-то эта отмокнет, вилами ее берут и наверх закидывают сначала на нижнюю, самую которой решетник выступает, вот через неё и перекидывают эти охапки, они и висят одна длиннее, другая короче, потом следующий ряд, потом еще, и еще, всё выше и выше, и так до самого князька, это у нас пеленить*

называлось, а там, как всю крышу опеленят, вот их грабельками причесывают, причешут, они ровенько лежат и гладенько, а наверху, где князек, их еще водой поливают, чтоб при дожде не протекал, а внизу у края, где охапки свисают, пелена это у нас называлась, там шнурок натягивают, чтоб ровно было и косой обрезают пелену, а то она неровно висит, некрасиво, вот чтоб красивой было (М. П. Мерзликин). Описание информанта соответствовало значению, представленному в Словаре русских народных говоров, – ‘нижний, свисающий край (соломенной) крыши; стреха’. Данное нами значение отражено в рязанских и курских говорах. Примечательно, что слово *пелена* в свободном виде в речи информантов не употребляется. Оно либо включается в состав устойчивого словосочетания *обрезать пелену*, либо является производящей базой для глагола *пеленить*. В качестве еще одного примера диалектного соответственного отличия плана содержания, входящего в ядро выстраиваемой нами полевой структуры, можно назвать слово *шпы* в составе устойчивого выражения *крыть шпами*: *Еще шпами крыли, то есть пеленили когда, солому охапками на крышу клали и там расчесывали, а это снопы такие, шпы они у нас назывались, вот в них солома сразу складывалась и в шпах этих на крышу ложилась*.

Поскольку в Словаре русских народных говоров представлено похожее по звучанию слово в составе устойчивого выражения *крыть щипками* ‘крыть крышу соломой, которую, связав в снопы, предварительно смачивают в растворе глины’, употребляемого в рязанских говорах, то мы можем предположить ассимилятивное воздействие слова *шпы*, служащего названием для разновидности снопов, – ср.: *Канали выбирали осенью, вяжут шпами* (с. Семено-Александровка Бобровского района Воронежской области, Наталья Матвеевна Ермолова 1914 г.р. (77 лет), работала свекловичницей (Цит. по: Черенкова, 2009, с. 257)). Л. М. Мерзликина, как представительница более молодого поколения, не знает ни слова *шпы*, ни слова *пелена*, что свидетельствует об исчезновении данных слов вместе с породившими их реалиями. Данный факт хорошо соотносится с замеченной нами фразеологизированностью данных лексем в речи «старших» информантов. К словам данной группы примыкает и отмеченное Л. М. Мерзликиной употребление слова *потолок* в значении ‘чердак’, относительно которого она вспомнила только то, что *раньше говорили не на чердаке, а на потолке*.

К периферии, на наш взгляд, следует отнести многочисленные слова, уже утратившие специфическую диалектную или субэтническую прикрепленность, но употребляемые в речи диалектоносителя, – *горбыли*: *Ну что такое горбыли. Ну то есть вот бревно на доске когда пилят, вот края эти которые округлые остаются, отходы в общем, это горбыли и называется*, – в значении, совпадающем со значением, отраженным в словарях современного русского языка: в словаре С. И. Ожегова – ‘остаток, крайняя доска при распилке бревна, с одной стороны выпуклая’; в Малом академическом словаре – ‘крайняя доска, выпуклая с одной стороны, получающаяся при продольной распилке бревен’; в Толковом словаре Д. Н. Ушакова – ‘остаток, крайняя доска при распилке бревна, с одной стороны выпуклая.’ К подобной же группе, расположенной на периферии лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки», с точки зрения их диалектной соотнесенности относятся следующие слова, значение которых полностью совпадает со значением, представленным в литературном языке и закрепленным в толковых словарях русского литературного языка: *амбар* (*Амбар у нас – ну такой же сарай, только не прямо вот на земле стоит*); *закрома* (*Амбар на секции поделен, закрома мы их называли, там мы зерно хранили*); *землянка* (*Яма где-то в половину человеческого роста и сверху дом плетёный, то есть в пятнадцати сантиметрах вбивались в землю колышки и между собой ивовым прутом переплетались, после глиной обмазывались, и вот готова землянка, можно в ней жить*); *очаг* (*Конечно же, печи там и быть не могло, а так очаг такой посреди землянки, то есть круг такой*); *стойло* (*У коров стойла были, туда сено им накладывали*); *ясли* (*Вроде клетки такой для коз и овец – это ясли у нас называется*) и т.д.

Заключение

На основании нашего исследования можно сделать вывод о том, что лексика данной тематической группы (по нашему мнению, и других тематических групп) представляет собою сложное многоплановое явление, включающее в себя слова, относящиеся к разным пластам и занимающие разное место в структуре ее полевого описания:

- к единицам, обозначающим наиболее емкие и обширные понятия, не входящим в ядро или периферию, относятся лексические единицы, которые способны сохранять сведения о субэтнической принадлежности диалектоносителей, чертой которых является связь не только с реалиями деревенской жизни (*подворье*);
- к единицам, составляющим ядро, относятся слова, обладающие ярко выраженной территориальной прикрепленностью и тесно связанные с реалиями крестьянской жизни (*ворок, тырло, ляда, рига, пеленить, обрезать пелену, крыть шпами*);
- к единицам, составляющим периферию, относятся слова, не обладающие ярко выраженной территориальной прикрепленностью, воспринятые литературным языком и входящие в общепринятую (в нашем случае – строительную и сельскохозяйственную) терминологию (*горбыли, амбар, землянка, ясли, стойла* и т.д.).

Что касается изменений, связанных с утратой диалектных особенностей, то к ним можно отнести отсутствие памяти о некоторых словах, характерное для речи представителей более молодого поколения, фразеологизацию некоторых диалектизмов (выражения *крыть шпами* и *обрезать пелену*, в составе которых употреблялись диалектизмы *пелена* и *шпы*), упрощение понятия, обусловленное упрощением самой реалии (слово *рига*, значение которого совпадает со значением слова *сенник*, стало употребляться взамен прежнего значения ‘сарай для сушки снопов с печью’).

Учет территориальной прикреплённости, проявляющейся у разных лексических единиц, входящих в исследуемую тематическую группу в разной степени, позволяет рассматривать каждую группу диалектной лексики как живое изменчивое явление. К перспективам исследования следует отнести дальнейшее выявление диалектных особенностей, отличающих однодворческий субэтнос от остальной части южнорусского населения.

Источники | References

1. Баженова Т. Е. Наименования огороженного места для скота в самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2009.
2. Гринкова Н. П. Воронежские диалекты // Ученые записки Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена. 1947. Т. 55.
3. Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии: о некоторых говорах бывших Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. Л., 19--.
4. Дзякович Е. В. Культурные центры как фактор формирования местной идентичности (на примере социокультурного феномена Прихоперья) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2010. № 2.
5. Дьякова В. И., Хитрова В. И. Названия жилых и хозяйственных построек в современных Воронежских документах // Научный альманах. Традиционная культура. 2009. № 2.
6. Киселева Г. В. Название прялки в воронежских говорах // Русские народные говоры: проблемы изучения: тезисы докладов Межвуз. науч. конф., посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПУ, 1997.
7. Киселева Г. В. Промысловая лексика воронежских говоров (вязание платков) // Говор: альманах. 1996. № 17.
8. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля: краткий ист.-топоним. словарь. Воронеж, 1973.
9. Словарь русских народных говоров (СРНГ). 1965-2016. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>
10. Смирнова О. В. Ареальный аспект изучения лексики растительного мира в говорах северо-восточной части Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2004.
11. Смирнова О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области (номинативный и лингвогеографический аспекты): дисс. ... к. филол. н. М., 2002.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка 1893. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>
13. Сьянова Е. И. Антропонимическая лексика Воронежского Прихоперья (диалектные тексты и комментарии) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2007а.
14. Сьянова Е. И. Воронежские говоры: лексикографическое описание // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2019.
15. Сьянова Е. И. Материалы для словаря говора села Власовки Грибановского района Воронежской области // Педагогическое регионоведение. 2020. № 17.
16. Сьянова Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихоперья: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007б.
17. Сьянова Е. И. Опыт словаря микротопонимов Борисоглебского городского округа // Педагогическое регионоведение. 2018. № 3 (15).
18. Сьянова Е. И. Специфические фонетические явления смешанных русско-украинских говоров Воронежской области (на примере говора села Макашевка Борисоглебского района) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2009.
19. Филатова В. Ф. Архаичные элементы воронежского погребально-поминального обряда // Педагогическое регионоведение. 2021. № 18.
20. Филатова В. Ф. Говор посёлка Мировой Октябрь Борисоглебского городского округа // Воронежское краеведение: традиции и современность: мат. Ежегод. обл. науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 26 ноября 2016 г.) / Воронеж. обл. совет краеведов. Воронеж, 2017а.
21. Филатова В. Ф. Говор села Губари Борисоглебского городского округа как воронежский талагайский // Проблемы изучения живого русского языка на рубеже тысячелетий: мат. IX Междунар. науч. конф. (г. Воронеж, 28-29 октября 2017 г.) / Воронеж. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. Д. Черенкова. Воронеж, 2017б.
22. Филатова В. Ф. Магический дискурс. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010.
23. Филатова В. Ф. Народное православие Воронежского Прихоперья // Диалектологический альманах: сб. материалов и исследований / Воронеж. гос. пед. ун-т; науч. ред. А. Д. Черенкова. Воронеж: ВГПУ, 2015. Вып. II.
24. Филатова В. Ф. Семиотика магии: лексика, структура и семантика воронежских магических обрядов. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
25. Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа: учеб. пособие. Воронеж: Полиграф, 2009.
26. Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области: автореф. дисс. ... к. филол. н. Елец, 2004а.
27. Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области: дисс. ... к. филол. н. Елец, 2004б.

Информация об авторах | Author information**RU****Тельпов Роман Евгеньевич¹**, к. филол. н.¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва**EN****Telpov Roman Evgenievich¹**, PhD¹ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow¹ roman-telpov@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): говоры Воронежского Прихоперья; строительная терминология; полевая структура; dialects of Voronezh Nopyor region; construction terminology; field structure.